

Из почты журнала

Вдохновения луч

*Свободно время вдаль течет —
Куда-то дни уносятся.
Летят года мои вперед —
Душа в былое просится.*

Я иду мимо опустевших домов по заросшей, притихшей улице родной деревеньки с милым названием Сластёны, что в Дрибинском районе Могилевской области. Если за последней хатой преодолеть овраг и подняться на взгорок к высоким грустным березам, можно увидеть небольшое кладбище. Там две дорогие мне могилы — отца

и матери. И «хочется в глухой, застывшей, вечной тишине на миг вернуться в детство мне».

Давным-давно недалеко от этих мест стоял крепкий отцовский хутор. Отец, Семен Григорьевич Кудлачев, потомственный крестьянин, славился как мастер на все руки: хлебороб и садовод, плотник и бондарь, сапожник и шаповал. Отвоевав на Первой мировой войне, поколесил по России в поисках счастья и вернулся на землю своих предков. Его рассказы обо всем увиденном и пережитом стали для меня первым учебником жизни.

В 1928 году он женился на Екатерине Артамоновне Лыловой, тихой, работающей, тоже из крестьянской семьи. К этому времени отец овдовел и имел четырех детей. После новой женитьбы на свет появились еще трое, в том числе и я. О маме моей надо сказать особое слово: она умела делить на каждого поровну и ласку, и кусок хлеба.

В тридцатые годы все ближние хутора насильно свели в одну деревню. И отец, пережив это, засучил рукава и возвел новый дом, посадил сад, где разводил разные сорта яблок. Место, где росли саженцы, он нежно называл «Моя школка», как будто они были его дети. Крупные сладкие яблоки хорошо покупали горожане. Отец щедро делился с односельчанами и саженцами, и яблоками. Нашу семью даже прозвали «дядевы», так как дети соседей говорили: «Пойду к дяде за яблоками».

В большой дружной семье я появился на свет 15 января 1936 года седьмым ребенком. «Был мороз, метель мела,

по земле зима брела. Поглядеть пришли меня и соседи, и родня». Пришли, чтобы порадоваться главному чуду на земле — рождению новой жизни — и весело погулять в честь этого события, тем более, что наступил Новый год по старому календарю.

И побежали мои детские годы по тропинкам родных Слостён.

Я здесь мальчишкой босоногим
По лужам весело скакал
И на лужайке у дороги
В лапту с ребятами играл.
Меня манили поле, речка,
Цветущий луг, поющий лес.
Я мог часами на крыльце
Стоять, смотреть на синь небес.

22 июня 1941 года моя сестра Настя пришла домой из клуба и тревожно сказала:

— Только что по радио сообщили: «Война!»

Страшный смысл этого слова я начал понимать, когда «у каждой калитки увидел страданье, заплаканных женщин, картины прощанья», когда ушли на фронт мои братья: Тихон (погиб в 42-м, защищая Ленинград) и Григорий (дошел до Берлина и вернулся домой в 45-м весь израненный).

Солнечные краски мирной жизни сменились черными днями фашистской оккупации. В нашей деревне по распоряжению немецких властей обосновались полицаи. Особенно лютовал свой же, местный, Демьян по прозвищу «Акула». В одном из боев с партизанами ему пулей разворотило челюсть. Немцы вылечили его, но с тех пор у него выпирали зубы, и это придавало ему еще большее сходство с хищником.

Чем ближе в 1943 году подходили наши войска, освобождая родную землю, тем больше зверели немцы и полицаи.

Осенью немцы собрали жителей Слостён и погнали на запад. Нашей семье удалось поселиться в глухой деревне недалеко от Днепра.

Голод и холод, болезни и постоянная готовность во время облав бежать в ближний лес, болота — прятаться,

чтобы спастись, выжить. Правда этого времени вошла в мою книгу для детей «Война глазами ребенка».

Вместо хлеба и детских игрушек
Были слезы и выстрелы пушек,
Были крики и стоны, и смерть на бегу...
Время страшное, черное я забыть не могу.

Вернулись мы домой в июне 1944-го. Страшные картины открылись нам по дороге. Несколько месяцев эту землю война перепыхивала взрывами, жгла пожарами, начиняла минами, уродовала колючей проволокой. Вокруг — искореженная военная техника, обугленные остатки хат, разбухшие трупы... Мы подошли к родному дому. Он страдальчески смотрел на нас глазами пустых окон. Двери вырваны, крыша пробита снарядами.

Деревню поднимали всем миром. Осенью я пошел в первый класс. Читать научился раньше у старших братьев и сестер. Первой учительнице Богдановой Надежде Степановне я, став поэтом, посвящал стихи, посылал ей свои книги, переписывался с ней до последних ее дней.

Шел май 1945-го. Солнечным утром мы с ребятами пошли собирать оставшуюся после боев проволоку для ограждения колхозной фермы. Шли, болтали, смеялись. И вдруг раздался страшный грохот. Недалеко от тропинки взорвалась мина, таившаяся в земле. Осколки заделали каждого из нас. Мне они врезались в глаза. Я тогда еще не знал, что солнце погаснет для меня навсегда.

Два года мне пытались восстановить зрение сначала в больнице Дрибина, затем в Минске, где меня лечила профессор, знаменитый офтальмолог Бирич Татьяна Васильевна. Я терпеливо выносил боль, но приговор был суров: «Медицина пока бессильна». Татьяна Васильевна ласково и грустно сказала: «Придется, дружок, ехать в специальную школу, где учат читать и писать по системе Брайля. Такая школа есть в Гродно — одна в Беларуси».

И я попрощался со Слостёнами. С тех пор, как покинул родное гнездо,

стараюсь бывать там при любой возможности. Мне особенно дорога моя книга «Признание в любви», изданная Дрибинским райисполкомом в Горках. Эта книга вместила в себя мою нежность и преданность родному краю, его истории, героическим людям — моим землякам, родным и близким.

Сластёны милые мои
На Дрибинщине древней,
Хоть я от вас давно вдали,
Душою я с деревней.

В 1947 году отец привез меня в Гродненскую школу-интернат для слепых детей. Наша школа помещалась тогда в небольшом двухэтажном здании, где первый этаж был полуподвалом, вросшим в землю. Но после деревенских хат это здание показалось мне сказочным дворцом. И еда после голодной деревни была очень вкусной. Правда, хлеба давали малые порции, и его всегда не хватало.

Тяга к привычной домашней жизни постепенно отступала. Надо было приспособливаться к новой обстановке. На моем пути оказались замечательные педагоги. Среди них — Варвара Николаевна Москалевич. Очень ласковая, добрая, она понимала и чувствовала незрячих детей. Она часто садилась за пианино или брала в руки гитару. Долгими зимними вечерами ее чудесный мягкий голос звучал в маленьком актовом зале, и я, совершенно зачарованный, мог слушать ее песни бесконечно.

Когда мы набивали шишки на лбу или получали другие мелкие травмы, Варвара Николаевна умела и рану обработать не хуже медсестры, а главное, найти такие душевные и теплые слова, что боль и обиды быстро затихали.

Учительница водила нас в старый городской парк, что был рядом со школой, и так вдохновенно рассказывала о деревьях, цветах! А потом говорила:

— Витя, иди сюда, потрогай этот цветок... Обними это дерево, погладь его...

Или вдруг останавливалась и шепотом обращалась к нам:

— Послушайте, ребята, как красиво поют птицы! Кто это?

Мы дружно кричали:

— Воробьи!

— Нет, дети, это синички. Слушайте и запоминайте. А может, кто-то умеет подражать птицам?

И мы начинали свистеть наперебой. Все смеялись, и она смеялась с нами легко, заразительно, переливчато, и казалась мне большой красивой птицей.

Позже, через много лет, когда я стал преподавать музыку и пение в родном интернате, Варвара Николаевна приходила ко мне на уроки и говорила: «Очень красиво у тебя дети поют!» А мои ученики, маршировали в такт песне: «Советские солдаты — молодцы, советские солдаты — удалцы, шапка со звездой, винтовка на ремне. Вот таким солдатом хотелось быть и мне!»

На всю жизнь остался в моей памяти и Яков Исаакович Будовский. Это был учитель от Бога, ставший впоследствии кандидатом педагогических наук, доцентом Гродненского университета имени Я. Купалы. Благодаря ему мы все влюбились в физику и дальние туристические походы. По вечерам, после длительных пеших переходов, нас объединяли тепло костра и душевные разговоры. Мы слушали рассказы учителя о незрячих людях, мужественно преодолевших темноту и ставших высокими личностями. И мы, уже сами познавшие трудности жизни без зрения, учились понимать, что все, что выпало на нашу долю, НУЖНО И МОЖНО преодолеть.

Потом, когда я стал писателем, в моей домашней библиотеке почетное место заняли книги о незрячих людях: профессоре-дефектологе Б. Коваленко, Заслуженном артисте РСФСР, баянисте И. Паницком, сборники стихов Э. Асадова, Г. Шутенко и другие.

Мир мы познавали прежде всего на слух. Слушая игру на баяне моих старших друзей по интернату, я сам начал подбирать мелодии. Скоро меня приняли в детскую музыкальную школу. И я просто не мыслил дня,

чтобы не взять в руки инструмент. Всегда был среди пионерских, а потом комсомольских активистов, много читал книг по Брайлю и впитывал художественное слово. Но главным смыслом моей жизни стала музыка. Именно она всколыхнула в душе ритм, гармонию, лирическое состояние, что и подготовило основу для будущих моих стихов.

В августе 1954 года я подал заявление в Гродненское музыкально-педагогическое училище и приложил свидетельство об окончании музыкальной школы, где стояли только высокие оценки. В училище на экзамене вдохновенно сыграл отработанные классические произведения, но в списках принятых себя не обнаружил. Я пошел к директору. Павел Максимович Фещенко каким-то вкрадчивым, бесцветным голосом сослался на решение комиссии о том, что незрячим не место в таком учебном заведении. Сначала я растерялся, но взял себя в руки и твердо заявил: «Я хочу учиться музыке и буду учиться!»

Помог мне горком комсомола. Советское «телефонное право» иногда спасало людей. Я был принят.

Учился вдохновенно. Часто выступал на концертах. По республиканскому радио не раз звучала в моем исполнении на баяне фантазия на темы песен о Москве. Словом, «в баян, как в девчонку, влюбился, я видел судьбу свою в нем». Через четыре года я вернулся в родную школу-интернат для детей с нарушениями зрения учителем музыки. Мой педагогический стаж 52 года. Горжусь: более двадцати моих учеников стали профессиональными музыкантами. Живут в моей памяти образы детства, когда я еще видел этот мир, и образы моих любимых учеников. И может быть, поэтому сердце мое заговорило стихами преимущественно для детей.

Первые свои поэтические пробы я принес в Гродненскую районную газету «Сельская новь» (теперь «Перспектива»). На долгие годы газета и литературное объединение при ней, которое возглавлял поэт и краевед А. Цыхун,

стали моим литературным университетом.

В областной газете «Гродненская правда» я встретился с Василем Быковым. Он был тогда литконсультантом. Его теплая поддержка и появление моих стихов в этой газете вдохновляли на новые строчки.

Скоро мои стихи и прозу для детей стали печатать российские и белорусские журналы и газеты. Ширился круг друзей по литературному творчеству. Первый мой «критик» — поэт Юрка Голуб. Сдержанно-добродушный, с легким юмором, он своими отзывами в печати о моем творчестве «выруливал» меня к новым образам. Добрыми словами правила мой творческий поиск Данута Бичель, давшая мне потом рекомендацию в Союз писателей.

Как-то мы с женой отдыхали в санатории в Несвиже, где я встретился с Павлом Кузьмичом Пронузо. Он пригласил нас в гости. Деревянный дом грелся теплом солнечных лучей. Пахло сиренью и домашней выпечкой. Его голос, негромкий, с легкой хрипотцой, помог мне преодолеть робость перед известным поэтом. Прочитав мои стихи, он восклицал: «А вот эти просятся на родную мову! Возьму-ка я их и переведу». Тут нас окликнула его жена Татьяна Михайловна. За столом она тактично, боясь ранить, выпытала у меня, как я потерял зрение. «Ох, а мы с Павлом на фронтовых дорогах сколько горя хлебнули!» — откликнулась Татьяна Михайловна на мой короткий рассказ.

Они проводили нас до самого санатория. Пожав мне руку, Павел Кузьмич сказал на прощанье: «Пора книгу делать, Виктор Семенович!» Словно благословил.

В 1981 году в издательстве «Юнацтва» вышла в свет первая моя книга для детей «Я расту» тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. Я целовал обложку книги, едва сдерживая слезы радости... А с Павлом Кузьмичом мы потом постоянно переписывались, перезванивались. Его письма храню как драгоценную реликвию.

В разные годы мои книги редактировали А. Деружинский, А. Вольский, В. Каризна, Н. Чернявский, С. Молчан, Л. Заболоцкая, И. Фоменкова. Их украшали великолепные иллюстрации Н. Сустовой, С. Волкова, О. Аракчеевой. Это те люди, которые в моей судьбе, порой не только писательской, сыграли большую роль. Называя их имена, я верую, что Мир держится на Доброте и Милосердии.

В 1991 году меня приняли в Союз писателей СССР и БССР. Членский билет подписали Е. Евтушенко и В. Зукенко. Жизнь мою ярко осветили новые лучи вдохновения. При этом обострились и ответственность за каждую новую строку, и более жесткая требовательность к себе.

С распадом Советского Союза появились новые проблемы.

Помню: в Минске, в Доме литераторов, на одном из расширенных заседаний Союза писателей стали раздаваться все более настойчивые призывы писать только на белорусском языке. Я с тревогой обратился к сидевшему рядом со мной Артуру Вольскому: «Что же мне теперь делать? Я люблю родную мову, но перестроиться с русского языка мне вряд ли удастся». И услышал его убежденный ответ: «Пиши, как писал. Если кому понравится, переведут». И как продолжение его слов со сцены прозвучал голос Н. Чергинца: «Я родился в Минске. С детства мыслю и говорю на русском языке. Считаю, что каждый имеет право на свой выбор».

Прошло время. Мои стихи в белорусском звучании П. Пронузо, Н. Чернявского, Г. Раика изданы в 2008 году отдельной книгой «Сонца ранак пада-рыла».

Как интересно иногда складывается судьба авторского произведения!

В 1998 году в журнале «Дошкольное воспитание» (№5) появилась песня российского композитора Геннадия Чебакова из города Кургана на мои стихи «Солнечные зайчики». Я узнал через редакцию его адрес. Написал письмо с благодарностью и удивлением, что стихи родились в Гродно, а

музыка так далеко, в Зауралье. Вскоре пришел ответ: «Мелодии песен, — писал композитор, — я всегда вижу в словах авторов. В «Солнечных зайчиках» заложена мелодия Вашего состояния». Итогом нашей дружбы стало рождение более шестидесяти песен. К сожалению, Геннадий Чебаков рано ушел из жизни.

Светом душевной теплоты в разные годы согревали меня люди, имена которых знают все: Римма Казакова, Николай Круговых, Алесь Карлюкевич, Владимир Липский, Людмила Кебич, Эдуард Зарицкий, Борис и Галина Вайханские.

Древний красавец Гродно в моей судьбе стал второй родиной. Его историю я изучал не только по книгам, радиопередачам. Я вдыхал сосновый настой на неманском берегу, бродил по старинным улицам города, поднимался на Замковую гору, молился в Коложской церкви... Именно здесь рождались строки:

Нет в городе этого места дороже,
Чем наша старинная церковь Коложа.
Сюда идут люди побыть, помолиться,
Святыне минувших веков поклониться.
И я пред Коложей стою и волнуюсь,
Великим творением предков люблюсь.

В 2003 году Гродненский горисполком издал мою книгу «Нарисую город Гродно» к 850-летию города. Иллюстрации к ней сделали давние мои друзья — учащиеся Гродненской художественной школы, которую возглавляет И. Грицкевич. Эту замечательную идею — увидеть стихи поэта и родной город глазами детей — продолжили в 2016 году в новой моей книге «Здравствуй, Гродно».

Есть у меня, по шутливому определению Юрки Голуба, «трехтомный самиздат». Это объемные книги отзывов после многочисленных встреч с самыми разными читательскими аудиториями. Как пример приведу только одну запись, сделанную в детской библиотеке — филиале Гродненской областной библиотеки имени Е. Карского: «Ваши произведения согревают, радуют, приглашают в мир детства.

Спасибо за Ваше мужество и оптимизм».

Во время моих выступлений я слышу дыхание детей в тишине зала, когда читаю стихи о войне, о моей судьбе. Радуюсь вместе с ними, когда они заразительно смеются, слушая веселые стихи. А когда заканчивается встреча, дети, еще час назад настороженно встречавшие необычного человека, бегут ко мне, окружают и стараются положить ладошки на плечи, руки... Так на фотографиях и выходят: веселые, задорные, с растопыренными пальчиками, прикоснувшимися к поэту.

Сегодня мои стихи и рассказы вошли в двадцать четыре авторские книги, вышедшие в разных издательствах. Стихи и рассказы включены более чем в сорок коллективных сборников, ряд учебников и методических пособий. По моим стихам составляются сценарии праздников, проводятся семинары для воспитателей и учителей. В Гродненском Гуманитарном колледже — филиале Гродненского университета имени Янки Купалы —

проходит ряд мероприятий по моему творчеству. Библиотеке колледжа присвоено мое имя.

Нет большей радости для писателя, когда его творчество востребовано. И я, как и многие мои товарищи по перу, горжусь своими достижениями и наградами. Только что прошел третий съезд Союза писателей Беларуси, который поставил перед нами новые задачи. И я с новым вдохновением буду трудиться, чтобы дать жизнь новым книгам.

Война поступила
Жестоко со мной:
Глаза опалила
Взрывною волной.
С тех пор я не вижу
Ни солнца, ни туч,
Но в сердце горит
Вдохновения луч.
Он путь озаряет мне
Жизненный мой,
И я не сбиваюсь
С дороги крутой.
Иду неустанно,
Не тлею, горю —
Стихи и рассказы
Я детям дарю.

Виктор КУДЛАЧЕВ

